

- Те, кого отвергла Дверь Суждения, питают к нам злобу. Они будут казнены здесь и сейчас, - объявил Фердинанд.

- Как пожелаете. Все эти люди входили во фракцию мэра. У меня нет оправданий для них. Скорее, я благодарен тому, что дверь суждения доказала невиновность всех остальных, - ответил Рихт.

Фердинанд опустился предо мной на колени. Моё сердце бешено колотилось. Кровь отхлынула от лица, когда я поняла, что этих людей собираются казнить. Это не было неожиданностью, так как Фердинанд ещё в самом начале сказал, что мэр будет казнен, но теперь, когда всё это происходило прямо передо мной, моё сердце болезненно билось, а холодный пот бежал по спине.

- Розмэйн, не отводи взгляда.

- ...Хорошо.

Ни Рихт, ни кто-либо другой на площади, казалось, не испытывали никакого сочувствия к тем, кто втянул их в эту неразбериху. Или, если сказать по-другому они, казалось, не испытывали к ним ни отвращения, ни симпатии. Все просто вели себя так, как будто было совершенно естественно, быть казненными, если тебя сочли предателем или опасным для общества; они нарушили все возможные неписанные законы Хассе тем, что подвергли риску весь город, и справедливым наказанием за это была смерть.

- Юстус.

- Сию минуту, Лорд Фердинанд.

Юстус направился к большой коробке, которую вынесли на сцену, и с громким звоном открыл замок. Передняя сторона коробки открылась, обнажив её содержимое - пять небольших выдвижных ящиков, уложенных друг на друга, как импровизированный картотечный шкаф. Но с того места, где я стояла, не было видно, что находилось внутри них.

- Фердинанд, что в этих ящиках?

- Идентификационные медали Хассе.

Очевидно, он имел в виду медали граждан, которые мы штемпелевали своей кровью во время церемонии крещения. В Эренфесте храм занимался регистрацией, бракосочетаниями и аннулированием браков и других союзов в связи со смертью. Но в других местах все регистрации производились во время Праздника Урожая, и мэр заранее посылал сообщение о смерти гражданина. Чиновники в замке сами распоряжались медалями, следуя докладам жрецов и налоговых чиновников, должным образом организовывая все соответствующие документы.

- Мы привезли их сюда все, так как не знали, сколько будет казней, но вообще-то их нельзя выносить за пределы замка, - объяснил Фердинанд. Я догадывалась, что это всё равно, что вынести коробку с секретными бумагами за пределы правительственного здания, и в этом случае чиновник, отвечающий за них, должен был оставаться поблизости и внимательно следить за ними.

Юстус достал кусок пергамента и позвал Экхарта.

- Убедись, что никто не подойдет близко.

Экхарт достал свой штаппе и превратил его в меч, прежде чем занять позицию рядом с ящиком. Он держал свой клинок наготове, готовый сразить любого, кто приблизится, и этого было достаточно, чтобы показать, насколько ценной была коробка.

- Юстус. Начинай.

- Как вам будет угодно, Лорд Фердинанд.

Юстус схватил свой штаппе и пропел "мессер", превратив его в нож. С листом пергамента в руке он направился к связанным полосами света предателям, ожидающих своей участи на сцене, их лица исказились от страха, когда они смотрели, как приближаются его ноги. Пара из них принялась хрипло звать на помощь, но никто не откликнулся, когда Юстус опустил на колени рядом с ближайшим мужчиной.

Большой палец предателя слегка выступал между перевязывающими его лентами света, Юстус уколол его своим ножом. Когда начала сочиться кровь, Юстус прижал свежий порез к пергаменту, и на нем появилось медленно расширяющееся красное пятно.

Ай, ай!

Несмотря на то, что это происходило не со мной лично, я почти что чувствовала боль, когда смотрела, как нож пронзает кожу, проливая кровь. Я обернула ладонь вокруг большого пальца и сосредоточила взгляд на другом месте, так, чтобы видеть как можно меньше из того, что происходило.

Как только Юстус убедился, что кровь в достаточном количестве и весьма четко отпечаталась на пергаменте, он плавно взмахнул ножом в воздухе. Небольшое количество крови, стекавшей по лезвию, казалось, просто растворилась в воздухе.

А?.. Нож снова чист?

Юстус показал толпе пергамент с кровавым отпечатком, доказывая, что он был проштампован, что вызвало одобрительные возгласы горожан и кивок Фердинанда. Затем он направился к следующему человеку, повторил свои действия и снова показал толпе пергамент с новым кровавым отпечатком. Этот процесс повторялся снова и снова.

- Фердинанд, что делает Юстус?

- Отбирает опознавательные медали. Это работа для жрецов и чиновников.

Для дворян идентификационная печать, которая делалась во время каждой церемонии крещения, регистрировала их ману. Для простолюдинов, однако, она регистрировала только их кровь. Вот почему во время моего первого крещения мне просто нужно было прижать свой палец с выступившей кровью к белому плоскому камню. Естественно, я ничего на нём не писала, и никто даже не спросил моего имени.

Эти медали хранились в соответствии с тем, в каком году они были зарегистрированы, но кроме этого, не было быстрого способа определить, чья была чьей. Они обычно отслеживались с помощью крови; во время похорон медаль помещалась на тело, чтобы убедиться, что она принадлежит человеку, о котором идет речь. С этой целью Фердинанд взял немного моей крови, чтобы найти мою медаль во время похорон Мэйн.

Но я этого не заметила, потому что была без сознания.

На похоронах, проходивших за пределами Эренфеста, часть крови покойного размазывалась по деревянной доске, которую затем отдавали чиновнику, посетившему город во время Праздника Урожая. Затем они отправили доски в замок вместе с собранными налогами. Эти доски будут возвращены вместе с прикрепленными к ним медалями, которые затем послужат надгробными плитами.

Пока Фердинанд объяснял мне систему, Юстус подошел к последнему человеку.

- Вам это не сойдет с рук!... - Закричала она, единственная женщина среди шести предателей. Она была женой мэра; и пока она смотрела на нас с ненавистью, слезы текли по её щекам.

Это просто ужасно...

Пока я продолжала терпеть её горящий взгляд, моё горло задрожало, а мурашки побежали по рукам, и мои руки начали немного трястись. Мне хотелось отступить назад и спрятаться в тени Фердинанда или, по крайней мере, отвернуться, но мне сказали, что я должна запечатлеть всю казнь. У меня не было другого выбора, кроме как продолжать смотреть на неё, поэтому я стиснула зубы и с силой сжала ладони в замок, чтобы по крайней мере они не так заметно дрожали.

Пока мы с женой продолжали смотреть друг на друга, Юстус закончил собирать кровавые отпечатки. Сам же он, казался совершенно невозмутимым. Покончив с последним, он взмахнул ножом в воздухе, что-то сказав, и вернул его в форму штаппе. Затем он снова взмахнул им, на этот раз произнеся "аусвай", отчего испещренный кровью пергамент вспыхнул золотым пламенем, словно магический контракт. Он пролетел над ящиком, охраняемым Экхартом, оставляя за собой огненный след, а затем сгорел в золотистом свете, который пролился на ящики.

Ящики тут же загрохотали, но при этом никто к ним не притрагивался. Самый верхний и второй с верха оба начали выдвигаться и задвигаться, пока изнутри внезапно не вылетели шесть медалей.

- О-о-о!

Послышались из толпы благоговейные возгласы, когда белоснежные медали, использовавшиеся для регистрации людей в качестве граждан, взлетели в воздух, упав в руки Юстуса. Он внимательно оглядел их, затем плавно подошел к Фердинанду и опустился на колени.

- Вот медали, Лорд Фердинанд.

Юстус грациозно поднял медали, предлагая их, и как только Фердинанд принял их с благодарным кивком, встал и быстро вернулся к коробу. Он защелкнул замок, а затем встал перед ним в позе, что ясно демонстрировала его решимость защищать короб до последнего.

- Розмэйн, отойди назад и встань рядом с Юстусом, - сказал Фердинанд, прежде чем махнуть свободной рукой, призывая свой штаппе. Я догадалась, что он собирается использовать какую-то магию, поэтому сделала так, как он просил, оставив в центре сцены только Фердинанда.

Он огляделся вокруг, словно желая убедиться, что поблизости никого нет, а затем поднял свой штаппе высоко в воздух. Мана полилась с его кончика, образуя в воздухе буквы и сложные

узоры.

- А-а, я в первый раз вижу подобное! - Воскликнул Юстус, его карие глаза были раскрыты шире обычного и, казалось, сияли от радости. Он слегка наклонился вперед, пытаясь как бы запечатлеть в памяти как можно больше из магического круга, который Фердинанд рисовал в воздухе.

- Юстус, что сейчас произойдет?

- Казнь предателей, Миледи. Это заклинание преподается только кандидатам в эрцгерцоги, поэтому никого не подпускают близко, когда оно произносится. Таким образом, они не смогут услышать заклинание, или увидеть детали сложного магического круга, - объяснял Юстус. - Я знал, что существует заклинание, специально предназначенное для казни предателей, но у меня никогда не было возможности увидеть его. Это своего рода редкость, диковина, так как обычно никто даже не думает действовать против эрцгерцога. Ааа, я так рад, что отправился в эту поездку!

Видя, как Юстус сжал ладони в кулаки и трясется от возбуждения перед предстоящей казнью, я наконец поняла, почему Фердинанд сделал такую ужасную гримасу, когда тот вызвался сопровождать нас. Я сделала назад самый большой шаг какой только могла.

- Когда-нибудь вы сами научитесь этому заклинанию, Миледи. Пожалуйста, пришлите мне сообщение, если у вас когда-нибудь появится возможность им воспользоваться.

- Я буду молиться богам, чтобы этот день никогда не наступил. И я не сообщу тебе, если всё же это произойдет, - добавила я про себя, прежде чем снова вернуть взгляд на сцену.

Стоя в центре, Фердинанд размахивал своим штаппе. К этому моменту он, должно быть, завершил формирование магического круга с помощью своей маны, поскольку чёрный туман выступал из его середины подобно колыхающемуся на ветру языкам пламени. Возможно, это было заклинание, связанное с Богом Тьмы. Этот туман был очень похож на высасывающий ману чёрный туман, который я видела во время засады на прошлогоднем весеннем молебне, так что об этом было нетрудно догадаться.

Не сводя своих глаз со зловещего черного магического круга, губы Фердинанда продолжали шевелиться в молитве. Затем он бросил в него медали.

Они остановились в воздухе, словно прилипнув к магическому кругу, прежде чем их полностью окутал чёрный туман.

- Экхарт, сними с них путы!

- Да, сэр!

По приказу Фердинанда Экхарт быстро взмахнул своим штаппом, отчего ленты света, связывающие шестерых людей, мгновенно исчезли.

На своё освобождение предатели отреагировали по-разному. Некоторые растерянно моргали, оставаясь лежать на земле, не понимая, что происходит. Другие кричали и пытались бежать, один из них бросился прямо на Фердинанда, пытаясь сбить его с ног. Это была жена мэра.

- Фердинанд?! - Крикнула я, увидев, что она бежит к нему, стоящему в центре сцены. Но, несмотря на мой отчаянный крик, Фердинанд даже не моргнул; он не сводил глаз с магического круга, даже не удостоив женщину взглядом и при этом ответил мне:

- Не бойся. Они ничего не могут сделать.

В конце концов им было выделено крайне мало времени для каких-либо действий. И мэр, который на дрожащих ногах поднялся, чтобы бежать, и его жена, которая попыталась напасть на Фердинанда, через несколько шагов упали кто на землю, кто на сцену, то есть туда, где они к этому времени оказались. Хоть они и попытались встать, было похоже, что они могли двигать только руками, а их ноги были полностью парализованы.

- Нгх! Мои... Мои ноги! - Закричала женщина.

Вскоре остальные тоже начали кричать голосами полными боли, страха и отчаяния.

Я прищурилась, наблюдая за ними, и только тогда заметила, что их ноги стали светло-серого цвета. Сначала я предположила, что все они просто носили одинаковые туфли, но потом цвет распространился и на их одежду. Они постепенно окрашивались в серый цвет, и чем дальше, тем меньше они могли двигаться.

- ...Похоже, что их ноги превращаются в камень.

- Это должно распространиться на все их тела, - ответил Юстус, ещё больше подаваясь вперед, теперь даже не пытаясь скрыть свой энтузиазм.

Я действительно не могла разделить его радость. Если бы Фердинанд не бросал на меня время от времени резкие взгляды, я бы уже закрыла глаза и заткнула уши, чтобы не видеть их корчащихся тел и не слышать их пронзительных криков.

Черный туман как кислота разъедал медали, белоснежные капли разлетались во все стороны. К тому времени, когда они уменьшились до половины своего первоначального размера, пленники были серыми по пояс. Их туловища затвердели на моих глазах, и когда цвет достиг их шей, они потеряли даже способность кричать.

Стоило медалям окончательно развалиться, как пленники стали серыми с головы до пят, подобно самым настоящим статуям. Затем Фердинанд взмахнул штаппе, и магический круг исчез.

В одно мгновение все шесть статуй начали распадаться на части. По телам окаменевших людей побежали большие трещины, и с тяжким «бум» на землю или сцену, стали падать куски их разваливающихся тел. Падения наземь было достаточно, чтобы полностью раздробить упавший кусок, разметав повсюду большие куски чего-то похожего на камень. Затем эти обломки начали осыпаться как песок, пока, в конце концов, их пеплоподобный прах не был унесен прочь всё ещё холодным весенним ветром.

У них не было медалей, чтобы прикрепить к их могильным плитам, и не было тел, чтобы похоронить. Предателей не разрешалось ни хоронить, ни оплакивать.

Это просто ужасно...

Я не могла перестать думать об их лицах, искаженных страхом и отчаянием, их ртах, разинутых в предсмертных криках, которые всё ещё звенели в моих ушах. Выражение

мучительного страдания, которое оставалось в их глазах до самых последних мгновений, выжгло в моём сознании. Ни один человек не должен умирать таким образом.

- Впечатляюще. Разве это не чудесно, Миледи? - Взволнованно произнес Юстус. Но у меня даже не было сил изобразить самую фальшивую улыбку и кивнуть; как он мог быть так возбужден, наблюдая, как убивают людей таким ужасным, неуважительным образом?

То, что произошло... просто не передать словами.

Пальцы моих ног были неестественно холодными. Содержимое моего желудка начало рваться на волю, когда меня охватило небывалое отвращение. Я предпочла бы потерять сознание, чем испытывать те эмоции, которые нахлынули на меня, но, к сожалению, у меня не было сейчас недостатка в жизненных силах или мане. Всё, что я могла сделать, это стоять на краю сцены и продолжать наблюдать, не закрывая глаз.

На площади воцарилась тишина, и на лицах всех присутствующих ясно читался ужас перед знатью. Они только что стали свидетелями огромной власти, которой обладали дворяне, и были теперь просвещены о том, что их жизни могут быть отняты в любой момент.

Когда представление закончилось, Рихт, стоявший на коленях на противоположной стороне сцены, встал и обратился к толпе ясным голосом.

- Слушайте, все. Предателей больше нет. Они выступили против нашего эрцгерцога и подвергли опасности весь наш город. Наши добрые имена были запятнаны из-за их действий. Чтобы восстановить нашу честь, мы должны работать, чтобы возместить ущерб, который они причинили, пока наши недавно крещенные дети не достигнут совершеннолетия, и даже после этого. Мы должны действовать сообща, чтобы милосердие Святой Эренфеста, спасшей нас от казни, которой были подвергнуты предатели, не осталось без награды. Предстоящие нам годы, несомненно, будут трудными, но усердно трудясь мы их переживем.

Рихт выглядел таким же испуганным, как и толпа, к которой он обращался, но даже так он делал всё возможное, чтобы поставить Хассе на ноги. Это был не конец; это было начало нового десятилетия, в течение которого Хассе должен был выплатить семье эрцгерцога свой долг, и вид их решимости тронул меня.

Это ещё не конец. Но не для Хассе. И не для меня, как Святой Эренфеста.

Я сделала несколько глубоких вдохов, чтобы собраться с мыслями. Крики умирающих всё ещё отдавались эхом в моих ушах, но я не могла позволить им отвлекать меня вечно. Улаживание ситуации в Хассе после казни мэра было частью поставленной передо мной задачи; мне нужно было как можно больше работать вместе с Рихтом, чтобы помочь городу восстановиться.

И поэтому я намеренно вышла на середину сцены, действуя так спокойно и грациозно, как только могла. Я остановилась рядом с Фердинандом, всё время борясь с желчью, которая подступала ко рту, когда я двигалась. Все взгляды были устремлены на меня, как из толпы, собравшейся на площади, так и из людей, оставшихся на сцене.

Стоило мне закрыть глаза, как в моей голове вспыхнули воспоминания о людях, корчащихся от боли и ужаса. Я тряхнула головой, чтобы отогнать прочь это видение, сделала большой шаг вперед и подняла голову.

- Вот, пожалуйста, - сказал Фердинанд, протягивая мне магический инструмент для усиления голоса. Я крепко сжала его, поднесла ко рту и набрала в грудь воздуха.

- Люди Хассе...- Начала было я, но голос мой слегка дрожал. Я сглотнула, пытаюсь успокоиться, затем сделала ещё один вдох.

- Люди Хассе, - повторила я, на этот раз уже чуть лучше, - пожалуйста, потерпите хотя бы один год.

Почувствовав облегчение от того, что мне удалось подавить свое беспокойство, я продолжила. Аристократы использовали огромную силу маны, чтобы вселять ужас в сердца простолюдинов, но она также использовалась для спасения их жизней. Мне была дана роль Святой, поэтому я должна была сыграть свою роль и дать надежду Хассе и его жителям.

- Состоится ли в следующем году весенний молебен в Хассе будет зависеть от того, как эрцгерцог воспримет ваши усилия. Я сделаю всё, что смогу, но самое большое влияние на принятии этого решения окажут ваши собственные действия.

Ошеломленные, опущенные в пол лица крестьян слегка оживились от моих слов - усердно работая, они всё ещё могли получить благословление на Весеннем Молебне в следующем году. Некоторые начали перешептываться, говоря, что они смогут справиться, если это будет всего лишь один год, и пробуждающаяся надежда на их лицах немного облегчила бремя на моих плечах.

- Было доказано, что ни у кого из вас нет предательских намерений. А теперь, пожалуйста, докажите делом, что вы хотите искупить свои преступления; я хотела бы посетить Хассе во время Весеннего Молебна в следующем году, чтобы вознести молитвы и благословения над всеми вами.

При этих словах в толпе раздались радостные возгласы. Среди этого шума Фердинанд велел мне вызвать моего верхового зверя, и мы вместе направились в монастырь. В моём Пандобусе ко мне присоединились Фран, Зам, Бригитта и Юстус со своей большой коробкой.

- Это было просто замечательно, Леди Розмэйн.

- Спасибо, Бригитта.

Мне удалось улыбнуться в ответ, но голова у меня шла кругом. Моя грудь болела, и мой живот крутило, как будто всё моё тело пыталось избавиться посредством рвоты от этих ужасных эмоций, бурлящих внутри меня. Я хотела убежать от окружающей меня реальности, либо погрузиться в книги, либо заснуть, чтобы ненадолго отвлечься от своих мыслей.

Когда мы приземлились перед входом в монастырь, нас встретили серые жрецы, купцы из компании Гильберта и все остальные слуги, которые в ожидании уже стояли на коленях.

- Юстус, Экхарт, Дамуэль, Бригитта - приготовьте свои комнаты, - сказал Фердинанд, вручая каждому из них по красному фей-камню.

Они все разом принялись за работу вместе со своими слугами, а Юстус приказал вынести большую коробку из Лесси.

Теперь, когда все вышли из моего Пандобуса, я преобразовала его обратно в фей-камень. Опустошенная физически и морально, я опустила голову, чтобы горький приступ рвоты снова не смог вырваться из моего рта. Я не могла блевать здесь и сейчас, когда все смотрят на меня, поэтому пересилив себя, я проглотила подступающую ко рту рвоту и вытерла рукавом слезящиеся глаза.

- Розмэйн, ты выглядишь... нездоровой. Тебе нужно отдохнуть. Слуги, приготовьте её комнату, - приказал Фердинанд.

Мои слуги поспешно встали и пошли внутрь. Я дала Гилу магический инструмент, чтобы открыть мою потайную комнату, так как он перво-наперво отправился в монастырь, но хотя комната в некоторой степени и будет готова, в ней всё ещё оставались некоторые вещи, которые нужно было организовать, прежде чем я смогу нормально отдохнуть.

Я в полном оцепенении проводила взглядом уход своих слуг, а потом начала бесцельно оглядываться. Тогда-то я и увидела Папу среди людей, вышедших нам навстречу. Он выглядел невероятно взволнованным, и было сразу видно, что он ломает голову над тем, чтобы он мог сделать, чтобы утешить меня.

В голове у меня было сейчас только одно: я хотела подбежать, назвать его "Папой" и зарыдать ему в грудь.

- Розмэйн.

- ...Ах.

Фердинанд положил руку мне на плечо, и я немедленно пришла в себя. Мне бы никогда не позволили сделать ничего подобного. Я опустила руки, которые начала поднимать, и поставила ногу обратно, прежде чем смогла хотя бы на сантиметр сдвинуться к нему.

Фердинанд жестом подозвал меня к себе, но не успела я сделать и шага, как Папа предложил мне свой толстый плащ.

- Леди Розмэйн, я предлагаю вам этот плащ, если вы, конечно, его примете. Вы выглядите очень замерзшей.

Я посмотрела на плащ, а затем на Фердинанда, который бросил на папу жесткий взгляд. Но Папа ответил ему не менее жестким взглядом, продолжая протягивать плащ.

Фердинанд на мгновение прищурился, а потом нахмурился.

- Тебе холодно, Розмэйн?

- Да, мне холодно. Мне... очень, очень холодно. Я очень благодарна тебе, Гюнтер.

Я взяла у Папы плащ и крепко его обняла. Он был немного пыльным, но не настолько, чтобы скрыть родной запах, который заставил меня почувствовать одновременно облегчение и горькую печаль. Я тут же зарылась лицом в плащ.

- Епископ. Возьми этот, если вам всё ещё холодно.

- Нет, вот этот гораздо теплее.

Неожиданно, вокруг меня зазвучали незнакомые голоса, и на секунду слезы мои прекратились. Я подняла глаза и увидел пятерых солдат, которые протягивали мне свои плащи. Я невольно улыбнулась, увидев перед собой ряд мужчин, создавших стену из плащей, и тяжесть в моём сердце, казалось, стала немного легче.

- Боюсь, что я не смогу удержать больше одного плаща, но я ценю вашу заботу. Пусть все вы будете благословлены за вашу доброту.

С плащом в руке я отправилась в свою потайную комнату, где мои слуги деловито возились, готовя мне постель. Я отошла в угол и начала расстилать Папин плащ, надеясь завернуться в него и не попадаться никому на глаза.

- Розмэйн, дай мне его на секунду.

- Нет, - ответила я, крепко обнимая плащ, чтобы уберечь его от протянутой руки Фердинанда. Он потерял виски, затем быстрым движением ухватил один конец плаща.

- Ты не можешь взять его в постель в таком виде. Я просто очищу его. Так что быстро отдай его мне.

- ...Очистить? - Спросила я, склонив голову набок.

Фердинанд воспользовался тем, что я отвлеклась на миг, чтобы украсть плащ. Он достал свой штаппе и тут же начал что-то напевать, отчего, казалось бы, из ниоткуда, появился водяной шар. Он поглотил плащ и столь же быстро исчез.

- Что это было за заклинание?

- Как я уже сказал, очищающее заклинание.

Очевидно, это было важное заклинание для рыцарей, так как они проводили по несколько дней при охоте на демонических зверей, так как его можно было использовать как для очистки тела, так и инструментов.

- Я и не знала, что магия может быть так удобна. Я никогда раньше не слышала об этом заклинании.

- Тебе нет нужды учиться, поскольку у тебя есть свита и слуги, - объяснил Фердинанд.

Для дворян считалось пустой тратой времени использовать ману, чтобы очистить себя, когда они могли просто приказать кому-то другому сделать это. Но в обстоятельствах, когда ты находился на природе, вне зданий и без сопровождающих тебя слуг, другого выбора просто не было.

- Сейчас это было сделано по крайней необходимости. Для тебя было бы просто катастрофой взять его в постель, но сейчас не было времени его чистить обычным способом, - продолжал он, набрасывая мне на голову плащ. Теперь он был чистым, и запах пыли исчез.

- Хорошенько отдохни. Я объясню все обстоятельства представителям компании Гильберта.

С этими словами он вышел из комнаты, как бы говоря, что его дела здесь закончены.

Нюхая плащ, я услышала, как Гил сказал Франу, что принес достаточно горячей воды. Затем Моника быстро выгнала их обоих из комнаты.

- Леди Розмэйн, ваша ванна готова. Может быть, мужчины будут так добры и уже наконец уйдут?

В тот день я спала, закутавшись с головой в Папин плащ. Неприятные, тревожные ощущения исчезли, и мне не приснилось ни одного плохого сна.

Дорогие читатели, несомненным фактом является то, что сервис поиска ошибок на рулейте значительно уступает таковому на Фикбуке с его "Публичной бетой". Если вы решили уделить немного своего времени и сил "поимке блох", пожалуйста, указывайте предложение с ошибкой целиком, это намного упростит мне поиск и последующее исправление. Я ведь все таки не редактор и в мои функции подобная работа не входит.

Для вас переведил Фаат, и редактировал Apothecary (он же Disharmonic)

Дорогие читатели, один человек кому нравится «Библиотекарь перерожденный» взялся помогать с переводом делая бесплатную редактуру. Пишите свои впечатления после каждой главы для корректировки наших усилий что бы знать на что нам обращать внимание.

<http://tl.rulate.ru/book/6509/1323559>